

Четвертый принц никак не ожидал, что его самого обвинят в содеянном. Смущение и гнев залили его лицо краской. Он долго мычал, не в силах связать и двух слов, и выдавил лишь жалкое:

— Это не я! Это не я! Я не бил его!

— Ах, вот оно что, — Сюэ Цзинань уловил ключевые слова и указал на старые раны на руках, помогая четвертому принцу освежить воспоминания. — Это было в Императорском саду в июле, а вот это — в прошлом году...

Лица стражников, смотревших на четвертого принца, выражали сложное переплетение чувств.

— Но на этот раз я этого не делал. Это он меня ранил! Кровь на моей одежде! Это... это правда не я!

Четвертый принц в ярости хотел сорвать с себя одежду, чтобы продемонстрировать свою рану.

Никто не стал комментировать его оправдания, но взгляды говорили сами за себя: если не в этот раз, то, значит, раньше уже случилось? Неужели эти раны настоящие? Страшно представить, с какой силой наносились удары.

Четвертый принц чувствовал себя загнанным в угол, виноватым и оскорбленным одновременно. Его глаза покраснели от ярости, и он, позабыв об осторожности, бросился на Сюэ Цзинаня, схватив его за воротник.

Четвертый принц был на несколько лет старше Сюэ Цзинаня и воспитывался с большой заботой. К тому же, прежний владелец тела последние два года недоедал и недосыпал, и его истощенное тело сильно отличалось от сверстников. В этой сцене, где один казался настоящим хулиганом, а другой — жалким страдальцем, все было предельно ясно.

Кто хулиган, а кто жертва — было видно с первого взгляда.

Трое евнухов Шуньсинь, Шуньи и Шуньдэ, прибывшие на место происшествия, услышав шум, в первую очередь подумали: «О, нет! Четвертый принц в ярости, он может избить седьмого принца! Не дай бог, это произойдет на глазах у стольких людей!»

Все трое почувствовали неладное, но Шуньи соображал быстрее остальных. Он тут же распорядился, чтобы Шуньсинь, владевший лучшими навыками боевых искусств, остановил четвертого и защитил седьмого принца, как только представится возможность. Если

понадобится, можно даже применить силу к четвертому принцу. Седьмого принца ни в коем случае нельзя было позволить избить на публике!

А Шуньдэ должен как можно скорее отправиться во дворец Ихэ, чтобы предупредить супругу Чжэнь и подготовиться к последствиям. По крайней мере, когда это дойдет до сведения императора, у четвертого принца будет хоть какое-то пространство для маневра.

Что же касается сокрытия информации от императора... это, возможно, и реально для евнухов и дворцовых служанок, но никак не для Императорской гвардии. Если такая попытка провалится, ничего страшного, но успех будет означать попытку получить контроль над военными силами и вызовет ярость императора.

Все трое вздохнули с печалью и лишь усерднее принялись за дело, пытаясь замести следы позорного прошлого четвертого принца, когда тот издевался над седьмым. Они и представить не могли, что после откровений Сюэ Цзинаня четвертый принц будет готов признать свои злодеяния.

То же смятение отражалось на лицах слуг, преданных четвертому принцу, а Императорская гвардия едва сдерживала рвущиеся из ножен мечи, когда увидела, как принц яростно бросается к ним.

— Не будьте импульсивны, Ваше Высочество! — сквозь зубы процедил заместитель командующего. Все они смотрели на четвертого принца так, словно поймали преступника с поличным.

Четвертый принц, вздрогнув от неожиданного появления Сюэ Цзинаня, мгновенно вспылал гневом. Стиснув зубы, он прошипел:

— Сюэ Цзинань, не перегибай палку! Объясни им, что это ты меня ударил!

Он чувствовал себя несправедливо обиженным. Вместо сочувствия и утешения после удара ножом, на него смотрели как на преступника. Это было невыносимо! Но он еще не знал, какие испытания его ждут.

— Брат, ты хочешь ударить меня в ответ? — ровным голосом спросил Сюэ Цзинань. — Ты можешь. Не бойся, мои руки тверды, ничего не случится.

От слов «не бойся» четвертого принца пробрала дрожь. Мурашки побежали по коже, и он инстинктивно попятился, но кто-то схватил его за запястье и что-то всунул ему в ладонь.

Четвертый принц опустил взгляд и увидел оружие, пронзившее его сердце, с алым следом его крови на острие. Его пальцы онемели, и их забила дрожь.

Сюэ Цзинань перехватил его руку, направил острие к сердцу и, не моргнув, нанес удар.

— Ах!

Лезвие с убийственной точностью вонзилось в грудь, не причинив глубокой раны. Из рта четвертого принца вырвался крик.

Сюэ Цзинань ослабил хватку, и четвертый принц рухнул на землю, трясаясь всем телом, словно выжатый лимон.

При каждом движении Сюэ Цзинаня он вздрагивал и, словно заученную молитву, шептал:

— Я был не прав, седьмой брат, я был не прав, я больше так не буду...

Сюэ Цзинань коснулся груди, глядя на его испуганное лицо. Он отчётливо ощущал, как изнутри выплескивается поток эмоционального мусора – чистое удовольствие.

Неожиданное чувство волной захлестнуло мозг. Ему казалось, что он заражён вирусом, требующим большего, кричащим, что этого недостаточно.

«Недостаточно... этого чертовски мало. Заставь его бояться, заставь его трепетать при одной мысли о тебе. Только тогда ненависть в моём сердце утихнет!» Сюэ Цзинаню казалось, что он слышит голос своей души. В то же мгновение он почувствовал, как крепнет его связь с телом, а магическая сила слегка возрастает.

Если бы он сейчас включил трансляцию, её география не ограничилась бы столицей. Он пока не мог контролировать внезапно возросшую силу. Это было подобно спутниковой антенне, принимающей сигнал по воле случая. Малейшее движение – и волна могла перемениться.

Но это был рост. Глаза Сюэ Цзинаня загорелись, и он почувствовал, что ухватился за ускользающую возможность, стал на шаг ближе к бессмертию.

Он задумчиво взглянул на четвертого принца, корчившегося на земле, и вдруг произнёс цифру:

— Тринадцать процентов.

Сюэ Цзинань открыл программу для вычислений и принялся составлять таблицу всех обид и унижений, которые претерпел прежний владелец тела, учитывая их количество и тяжесть.

Поскольку издевательства над четвертым принцем приносят удовольствие и повышают

совместимость с телом и магическую силу, почему бы не повторить этот опыт с другими?

Решено. Испытаем каждый метод. Пусть батареею не удалось достать, поездка не прошла даром.

Сюэ Цзинань завершил план и очистил сознание от эмоционального мусора. Но радостное предвкушение не покидало его мозг, заставляя губы невольно растягиваться в улыбке.

Угол улыбки на два градуса выше нормы. Сюэ Цзинань слегка поправил её и увидел, что четвертый принц тарашится на него с тупой растерянностью, словно хотел что-то спросить, но не решался.

Сюэ Цзинань бросил кухонный нож к его ногам. До тех пор, пока не будет найден способ заменить батареею, он был бесполезен, пусть четвертый принц хранит его. Всё равно рано или поздно его используют против него.

Сюэ Цзинань любил свою батареею, и даже если бы встретил лучшую у пятого принца, он не собирался её менять.

Четвертый принц смотрел на оружие, упавшее к его ногам, его лицо менялось в цвете от синего до белого. Он не смел сердиться, лишь застыл в оцепенении.

Сюэ Цзинань удовлетворённо кивнул, но строго объявил свой вердикт:

— На этот раз тринадцать процентов. Четвертый брат, постарайся.

Надеюсь, ты сможешь решить проблему нестабильного напряжения, мешающего извлечению батареи, прежде чем прогресс достигнет ста процентов.

Пора возвращаться и перезаряжаться. Сюэ Цзинань ушёл со стандартной слабой улыбкой на лице, которая пугала больше, чем его бесстрастное лицо в тот момент, когда он без колебаний вонзал нож в свою грудь рукой четвертого принца.

Куда бы он ни шёл, толпа расступалась перед ним, никто не смел издать ни звука или попытаться остановить его.

Когда фигура исчезла, тишину нарушил долгий вздох.

— Молодой господин!

Двое слуг бросились к четвертому принцу, помогая ему подняться. Он тупо смотрел на

холодный нож в своей руке, а затем до него дошло:

— Что значит «на этот раз»? Что он имел в виду? Неужели... будет следующий раз?!

Четвертый принц не смог сдержать слёз.

Сюэ Цзинань вернулся во двор Цифэн. Сяо Луцзы с облегчением бросился навстречу.

— Вы внезапно исчезли. Я так испугался... К счастью, с вами всё в порядке.

Сяо Луцзы должен был хранить молчание и не спрашивать, куда ходил его господин, но, вспомнив свои подергивающиеся веки, не выдержал и спросил:

— Хозяин, с вами всё хорошо?

— Нет, — без колебаний ответил Сюэ Цзинань и перешёл к делу: — Я голоден.

Успокоенный ответом Сяо Луцзы облегчённо вздохнул и принёс две тарелки закусок.

— Перекусите немного. Скоро будет еда. Сегодня императорская кухня приготовила тушёную свинину. Это то, что вы любите.

С тех пор как господин в последний раз вышел из себя, императорская кухня больше не смела отказывать им в еде. Мало того, что порции не урезали, так ещё и добавляли одно блюдо, как тушёную свинину на этот раз.

Его господин так могущественен, что он тоже должен стать сильнее, чтобы защищать его, а не быть обузой. Сяо Луцзы принял решение.

Сюэ Цзинань сегодня потратил много энергии. Шагомер показал более 20 000 шагов. Он сдержался, выдернул «вилку» из розетки и перестал есть, когда батарея почти разрядилась. Ему не хотелось спать, но тело требовало отдыха.

Он откинулся на подушки и, прежде чем заснуть, просмотрел самые популярные запросы.

Сегодня императорская гвардия искала четвертого принца, и Сюэ Цзинань был уверен, что увидит его имя в списке самых популярных запросов, но вместо этого наткнулся на пост, связанный с пятым принцем.

Евнух двора Ханьсянь Ичжанхун - Новое!#

Двор Ханьсянь (аромат цветов сливы) – большой двор к западу от резиденции принцев. Он получил своё название из-за красных сливовых цветов, цветущих в холоде. Это резиденция пятого принца.

Сюэ Цзинань нажал на ссылку и прочитал следующее:

«Евнух первого класса во дворе Ханьсянь случайно разбил стеклянную лампу с семью сокровищами, подаренную императором, и благородная супруга Жун в гневе наградила его сотней ударов плетью. Пятый принц был мятежным и жестоким, поэтому его заключили во дворце Минхуа, чтобы он переписывал «Канон сыновней почтительности», и в течение этого периода ему не разрешалось есть».

Сюэ Цзинань, не понимавший, что статья была попыткой польстить благородной супруге Жун, подумал о здоровье пятого принца, затем о количестве слов в «Каноне сыновней почтительности» и подсчитал приблизительное время, необходимое для её переписывания.

Он кивнул:

— К счастью, за три дня он не умрёт с голоду.

На следующее утро Сюэ Цзинань открыл глаза и встретился взглядом с человеком, лежащим на балке.

— Пятый брат.

Сюэ Цзинань дважды моргнул, и программа мошенничества с компенсацией,* которую он вчера вписал в код и не удалил, запустилась автоматически. Он сказал:

— Воровство незаконно. Ты должен компенсировать мне это.

[Налететь на фарфоровую посуду – вытребовать компенсацию за подстроенный ущерб; подстава. Трюк, применявшийся торговцами, которые намеренно выставляли посуду на мостовую, и когда прохожий наступал на нее, заставляли его заплатить.]

<http://bllate.org/book/15803/1416656>